

Монашество на Среднем Урале синодального периода: гендерные особенности и государственная политика*

Марина Нечаева

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Monasticism in the Middle Urals of the Synodal Period: Gender Characteristics and State Policy

Marina Nechaeva

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the dynamics of the number and gender ratio of the Orthodox monasticism of the Middle Urals in 1722–1917. The research draws upon a set of office records from the archival collections of the Synod and Ural monasteries and legislation and reports of the Synod's chief prosecutors. Regional data are compared with national statistics, which is important for the overall picture of the study. The novelty of the study lies in the fact that the analysis considers the entire synodal period and the fact that the materials of the Middle Urals show the causes and nature of the changes that took place. As a result, it is possible to significantly correct the opinion prevailing in historiography that the reason for the prevalence of female monasticism was only the social status of women from the peasantry and the urban poor. The list of reasons was much broader: the regulation of the number of monasteries and monasticism, monastic tonsure, the introduction of the cenobitic rite, the ideological ferment of the early twentieth century, and wartime conditions. The numbers of Orthodox monasticism in Russia only reached the level of 1724 in 1912. Naturally, the ratio of male and female monasticism in the country (58 % monks, 42 % nuns) that had developed by the beginning of the period was due to the forms of material support for monasteries.

* *Citation:* Nechaeva, M. (2025). Monasticism in the Middle Urals of the Synodal Period: Gender Characteristics and State Policy. In *Quaestio Rossica*. Vol. 13, № 1. P. 129–147. DOI 10.15826/qr.2025.1.958.

Цитирование: Nechaeva M. Monasticism in the Middle Urals of the Synodal Period: Gender Characteristics and State Policy // *Quaestio Rossica*. 2025. Vol. 13, № 1. P. 129–147. DOI 10.15826/qr.2025.1.958 / Нечаева М. Монашество на Среднем Урале синодального периода: гендерные особенности и государственная политика // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13, № 1. С. 129–147. DOI 10.15826/qr.2025.1.958.

This proportion was significantly disrupted by the staff reform of 1764–1788 and was restored only by the 1880s. The slight predominance of female monasticism by 1917 is explained by the fact that, unlike the beginning of the synodal period, convents had independent sources of income and longer traditions of communal life. The analysis is relevant in modern conditions of developing the legal status of monastery life.

Keywords: Orthodox monasticism, synodal period, gender ratio, staff reform of 1764, Middle Urals, number of monks

Рассматривается динамика численности и гендерного соотношения православного монашества Среднего Урала в 1722–1917 гг. В основу исследования положены комплекс делопроизводственной документации из архивных фондов Синода и уральских монастырей, законодательство и отчеты обер-прокуроров Синода. Региональные данные приводятся в сопоставлении с общероссийской статистикой, что существенно для общей картины. Новизна исследования в том, что анализ проведен за весь синодальный период, на материалах Среднего Урала показаны причины и характер происходивших изменений. В результате удалось существенно скорректировать сложившееся в историографии мнение, что причиной превалирования численности женского монашества был только социальный статус женщин из крестьянства и городской бедноты. Список причин был значительно шире: регуляция численности монастырей и монашества, монашеского пострига, введение общежительного устава, идейные брожения начала XX в., условия военного времени. Численность православного монашества в России достигла уровня 1724 г. только в 1912 г. Естественным образом сложившееся к началу периода соотношение мужского и женского монашества в стране (58 % монахов, 42 % монахинь) было обусловлено формами материального обеспечения обитателей. Эта пропорция была существенно нарушена штатной реформой 1764–1788 гг. и восстановилась только к 1880-м гг. Некоторое преобладание численности женского монашества к 1917 г. объясняется тем, что женские обители имели, в отличие от начала синодального периода, самостоятельные источники доходов и более длительные традиции общежительной жизни.

Ключевые слова: православное монашество, синодальный период, гендерное соотношение, штатная реформа 1764 г., Средний Урал, численность монашества

Превалирование в России численности православного женского монашества над мужским, нараставшее в XIX – начале XX в., неоднократно отмечалось в работах отечественных историков. Вопросом, почему мужские монастыри, хотя их и больше, «вымирают», а женские, наоборот, «прогрессируют», задавался в 1908 г. Л. И. Денисов: «Где кроются причины этого крайне интересного социального явления, с каких пор оно началось, как конструируется, какими силами

движется, какими обстоятельствами сопровождается, что оно собою означает и к чему приведет в будущем – все это такие вопросы, которые могут стать предметом особого исследования» [Православные монастыри, с. X].

Писавший свою монографию о российских монастырях уже в эмиграции И. К. Смолич связывал неравную гендерную численность монашества с тем, что именно женские обители были склонны более активно заниматься благотворительностью: «Объясняется это не одним только различием между мужской и женской натурой, но и тем, что многие женские монастыри выросли именно благодаря своей социально-благотворительной миссии, стали в этом отношении примером для других обителей и обрели признание и любовь народа» [Смолич, с. 293].

В рамках распространенной в советский период классовой теории объяснял численное преобладание женского монашества над мужским в начале XX в. В. Ф. Зыбковец: «Строй жизни в русской дореволюционной деревне был таков, что бедность и невежество угнетали именно женщину» [Зыбковец, с. 26].

В конце XX в. П. Н. Зырянов ввел термин «феминизация» монашества. Причины ее он усматривал также в социальных явлениях: «Особое тяготение в монастыри и общины крестьянских женщин, прежде всего бездетных вдов и потерявших надежды на замужество девушек, объяснялось их крайне неустроенным и тяжелым положением в крестьянских обществах» [Зырянов, с. 190].

Высказанные исследователями мнения о том, что главными причинами изменения соотношения мужского и женского иночества в пореформенный период были социальное бесправие женщин и их повышенная религиозность, так и не получили достаточного обоснования.

Вопросы динамики численности монашества, в том числе и в гендерном аспекте, в историографии чаще всего рассматриваются в диапазоне 1860–1917 гг., что затрудняет выявление ее причин. Привлечение статистики на более широком хронологическом диапазоне позволяет проанализировать, как и почему менялась численность монашества на различных этапах политики реформирования монастырей, активно проводившейся в синодальный период¹.

Первая перепись монашества была проведена в 1722–1724 гг. по всем монастырям страны, следующие ведомости монашествующих были собраны в 1732 г., с конца 30-х гг. XVIII в. они стали составляться ежегодно. Сводные статистические данные по епархиям предоставлялись в составе отчетов в Синод. Сохранившиеся архивные фонды монастырей содержат текущую документацию, показывающую детали происходивших изменений в численности и социальном составе монашествующих.

¹ Статистический материал за весь период корректен только относительно монашества, поскольку данные о послушниках начали появляться с конца XVIII в.

В 1724 г., согласно собранным Синодом сведениям, во всех монастырях страны находилось 14 534 монаха и 10 673 монахини, всего 25 207 чел. [Чудецкий, с. 7]. На Среднем Урале² процентное соотношение монахов и монахинь было близким к общероссийским показателям: в 1722/1724 гг. 313–318 монахов (56 %) и 245 монахинь (44 %), всего 558–563 инока [Нечаева, с. 220–221]. Это составляло 2 % от всей численности православных монашествующих в Российской империи. В регионе было 18 монастырей: шесть мужских, шесть женских, шесть двойных.

Поскольку Петром I был провозглашен план введения штатов монастырей, именным указом от 28 января 1723 г. вводился запрет на принятие монашеского пострига [ПСЗ-1, т. 7, № 4151, с. 18]. С марта 1725 г. из него начались исключения отдельных групп населения (студенты богословия, вдовое духовенство, отставные военные, престарелые вкладчицы), некоторых монастырей и территорий (Малороссия, Иркутская епархия) [Нечаева, с. 68–71]. Исключения касались тех социальных групп, которые и прежде были наименее активным источником пополнения монашества.

Ограничения на постриг были сформулированы в Прибавлении к Духовному Регламенту в мае 1722 г. Мужчин разрешалось постригать в монашество не ранее 30 лет, женщин – не ранее 60 (девиц – с 50). Желающий обрести монашество должен был подтвердить, что его выбор не причинит вреда остающимся в миру родственникам. Постриг состоящих на военной и приказной службе разрешался только при наличии у них отпускных документов от непосредственных властей. Запрещено было принимать «чуждого крестьянина», если только он не предоставит отпускное письмо от своего помещика. Неграмотных крестьян можно было постригать лишь по именным указам и синодальным определениям [ПСЗ-1, т. 6, № 4022, с. 699–715].

Нормы Духовного Регламента противоречили сложившейся практике формирования монашества. Из числа крестьянства к началу синодального периода на Среднем Урале, например, были 49 % монашествующих. Ограничения не коснулись приходского духовенства, но монашество из этой социальной группы составляло только 7 % иноков региона.

В середине 30-х гг. в стране были проведены масштабные следствия о постриженных с 1723 г. «из неуказных чинов». После следствий, согласно анализу, проведенному Б. В. Титлиновым, в 1739 г. в мужских монастырях империи оставалось 7 802 монаха, в женских монастырях – 6 453 монахини (54 и 60 % от численности 1724 г.). В целом численность монашества сократилось на 43 %, а в некоторых епархиях – в два-три раза. Пропорция мужского и женского монашества отличалась большим разнообразием. Мужское монашество могло составлять от 30

² Церковно-административное деление в синодальный период неоднократно менялось, поэтому используется более стабильный географический термин «Средний Урал». В синодальный период на этой территории существовали Пермская губерния и Пермская епархия, созданные в конце XVIII в. Ранее эта территория входила в состав Тобольской и Вятской епархий. В 1885 г. из состава Пермской епархии была выделена Екатеринбургская.

до 90 % иночества в разных регионах [Полное собрание, т. 8, № 2689, с. 35–36; Титлинов, с. 282–283, 302–304]. На Среднем Урале в различных обителях убыль монашества составляла от 20 до 88 % [Нечаева, с. 81].

Высочайшей резолюцией от 22 декабря 1740 г. и именным указом от 2 января 1741 г. был разрешен постриг с соблюдением норм Духовного Регламента и даже с отменой обязательного требования грамотности для крестьян (хотя это требование на практике не соблюдалось и раньше) [ПСЗ-1, т. 9, № 8303, с. 329–331; № 8309, с. 333]. Синодальный указ от 22 июня 1741 г. позволял постриг женщин с 30 лет [Полное собрание, т. 10, № 3707, с. 534; № 3717, с. 545]. Однако императрица Елизавета Петровна, взойдя на престол в конце 1741 г., распорядилась изъять указы, изданные в правление Иоанна Антоновича, и Синоду так и не удалось получить разъяснение, остаются ли в силе послабления в условиях пострига. 22 марта 1749 г. был издан именной указ, повелевавший, «особливо же Великороссиян, ежели кто того домогаться будет, ни под каким видом, без собственного Ея Императорского Величества указу, отнюдь не постригать» [ПСЗ-1, т. 13, № 9591, с. 31]. Только 6 сентября 1761 г. был издан именной указ, разрешавший «всякого чина как из Великороссиян, так и из Малороссиян, вдов, и девиц, и мужеск пол... по самопроизвольным желанием в монашество» постригать при условии соблюдения норм Духовного Регламента [Там же, т. 15, № 11332, с. 790–791].

Архивные материалы монастырей Среднего Урала показывают, что в условиях не вполне четких нормативных предписаний 40-х – начала 60-х гг. XVIII в. в мужских монастырях главным источником пополнения монашества стало вдовое духовенство, испытывавшее явное давление со стороны епархиального и монастырского начальства. Монастыри, имевшие крупные вотчины, постригали жителей своих владений. Социальные ограничения соблюдались в большей степени относительно мужчин, чем женщин. При постриге в монахини частыми оставались и нарушения норм по возрасту принятия монашеского сана.

Согласно сведениям Синода, к 1754 г. в стране было 12 975 монашествующих, из них монахов 7 467 (58 %), монахинь – 5 508 (42 %) [Комиссаренко, с. 170]. Пропорция между монахами и монахинями не изменилась по сравнению с 1724 г., хотя численность монашествующих сократилась на 49 %. За 15 лет после 1739 г. монашество сократилось на 9 %, при этом женское – на 15 %, а мужское – на 4 %. Полагаем, что причина состоит в том, что многие мужские монастыри обладали значимыми вотчинами, для управления которыми требовались монашествующие, среди женских же обителей значительно больше было безвотчинных, поэтому епархиальные власти видели объективную необходимость поддерживать численность мужского монашества, но меньше заботились о женском.

Введение штатов монастырей именным указом от 26 февраля 1764 г. предусматривало дальнейшее сокращение численности иночества. Во всех великороссийских епархиях должно было остаться 159 муж-

ских и 67 женских обителей. Монастыри делились на три класса, различавшиеся количеством мест и размером содержания. Предполагалось оставить 3918 штатных мест: 1366 для монахинь и 2552 для монахов [ПСЗ-1, т. 16, № 12060, с. 549–569; т. 44, ч. 2, отд. 3, № 12060, с. 24–36].

Высочайше утвержденным 31 марта 1764 г. докладом Комиссии о церковных имениях как временная мера, до снижения числа монашествующих до количества штатных мест, предусматривалось сохранение 161 заштатного монастыря с 1247 монашескими местами. Женские заштатные монастыри докладом комиссии не предусматривались. Не попавшие в число заштатных и штатных обители подлежали закрытию, их храмы – превращению в приходские, а земельные владения – передаче в ведомство Коллегии экономии. Синодальным указом от 21 июля 1764 г. был запрещен постриг во всех великороссийских епархиях до тех пор, пока не будут распределены на штатные места все оказавшиеся «в излишестве» иноки [Полное собрание, т. 1, № 175, с. 214–215; № 192, С. 236; № 202, с. 245].

В 1786 г. штатная реформа и нормы пострига были распространены и на три малороссийские епархии – Киевскую, Черниговскую и Новгород-Северскую, в 1788 г. было введено штатное определение монастырей Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской губерний [ПСЗ-1, т. 22, № 16374, с. 574–575; № 16375, с. 575–576; № 16411, с. 631–632; № 16649, с. 1070; № 16721, с. 1120; т. 44, ч. 2, отд. 3, с. 54–55]. Всего штатами 1764, 1786 и 1788 гг. для всех монастырей империи было предусмотрено 5852 места в штатных и заштатных монастырях. Это составляло 23 % от численности монашества в начале синодального периода (см. табл.). Но и в крайне ограниченном количестве мест 73 % отводилось для монахов, и только 27 % – для монахинь.

Таблица

**Численность монахов и монахинь в Российской империи
в синодальный период³**

Год	Кол-во монахов, тыс.	% монахов	Кол-во монахинь, тыс.	% монахинь	Общее кол-во монашествующих, тыс.
1724	14,534	58 %	10,673	42 %	25,207
1739	7,802	55 %	6,453	45 %	14,255
1754	7,467	58 %	5,508	42 %	12,975

³ Сост. по: [ПСЗ-1, т. 16, № 12060, с. 549–569; т. 22, № 16374, с. 574–575, № 16375, с. 575–576, № 16411, с. 631–632, № 16649, с. 1070, № 16721, с. 1120; т. 44, ч. 2, отд. 3, к № 12060, с. 24–36; т. 44, ч. 2, отд. 3, с. 24–36, 54–55; Полное собрание, т. 1, № 175, с. 214–215; Извлечение за 1836 год, с. 97–101; Извлечение за 1861 год, прил., с. 3–7; Извлечение за 1871 год, прил., с. 2–7; Извлечение за 1881 год, прил., с. 2–7; Извлечение за 1892–1893 годы, прил., с. 3–7; Всеподданнейший отчет за 1900 год, прил., с. 5–6; Всеподданнейший отчет за 1910 год, прил., с. 4–5; Всеподданнейший отчет за 1911–1912 годы, прил., с. 4–7; Всеподданнейший отчет за 1914 год, прил., с. 4–5; Титлинов, с. 302–304; Комиссаренко, с. 170; Монашество, с. 567–651; Зырянов, с. 19; Водарский, Истомина, с. 79; Соколов, с. 81].

Окончание табл.

Год	Кол-во монахов, тыс.	% монахов	Кол-во монахинь, тыс.	% монахинь	Общее кол-во монашествующих, тыс.
Штатная реформа 1764, 1786 и 1788 гг.	4,277	73 %	1,575	27 %	5,852
1815	4,900	74 %	1,700	26 %	6,600
1825	3,727	66 %	1,882	34 %	5,609
1835	4,396	58 %	3,161	42 %	7,557
1860	5,648	66 %	2,931	34 %	8,579
1870	5,913	64 %	3,393	36 %	9,306
1880	6,747	55 %	5,458	45 %	12,205
1891	7,620	48 %	8,354	52 %	15,974
1900	8,578	46 %	10,082	54 %	18,660
1910	9,950	41 %	14,059	59 %	24,009
1912	10,998	42 %	15,009	58 %	26,007
1914	11,845	41 %	17,283	59 %	29,128
1917	14,925	45 %	18,590	55 %	33,515

Синодальными указами 1770 и 1772 гг. был уточнен порядок подтверждения увольнительных свидетельств, что еще более затруднило принятие пострига представителями податного и служилого населения [Полное собрание, т. 1, № 554, с. 662–663; № 614, с. 738–739; № 645, с. 781–782]. Монастыри, утратив власть над монастырскими крестьянами, потеряли и этот ресурс пополнения иночества. По мере вымирания мужского монашества даже тогда, когда его численность достигла штатной нормы, она продолжала сокращаться, поскольку из тех категорий населения, которые могли принимать постриг (вдовое духовенство, отставные военные), желающих было недостаточно. Численность мужского монашества в стране достигла установленных штатами норм только в 30-е гг. XIX в.

Для женского иночества основным препятствием стало ограниченное количество мест в штатных монастырях. Заштатные женские монастыри реформой 1764 г. не предусматривались, хотя в ходе ее реализации отдельными именными указами учреждались, если находились благодетели, готовые взять на себя их содержание. Наиболее кризисные по численности монашества годы в разных регионах страны, вероятно, были разные. Монастырей оставалось так мало, и они были так малолюдны, что конкретная история каждого могла существенно повлиять на эти даты.

Согласно указу от 26 февраля 1764 г., на Среднем Урале не оставалось ни одной женской штатной обители. Из мужских монастырей в штате остались Пыскорский Преображенский, Верхотурский

Николаевский, Невьянский Богоявленский, Далматовский Успенский, пять монастырей были оставлены как заштатные, остальные подлежали закрытию. Упразднявшиеся монастыри в регионе прекратили свое существование, вероятнее всего, в первый же год после введения штатов. Заштатные монастыри по мере сокращения насельников тоже постепенно закрывались. Дольше всех в регионе прожили далматовские монахи. Последняя из них, Афанасия Широнова (Широнных), скончалась в возрасте 85 лет в 1819 г. [Плотников, с. 91].

По причине ветхости строений братия Невьянского Богоявленского штатного мужского монастыря в июле 1784 г. была переселена в с. Абалак. Братия штатного мужского Пыскорского Преображенского монастыря (всего оставалось 7 чел.) к 1794 г. была переведена в новый губернский центр – г. Пермь. При учреждении в 1799 г. Пермской епархии, территориально совпадавшей с Пермской губернией, монастырь был назначен для пребывания в нем архиерейского дома и прекратил свое существование.

Оставшиеся Верхотурский Николаевский и Далматовский Успенский монастыри, испытывая существенные проблемы с заполнением штатных мест (к середине 1780-х гг. в них уже оставалось по два-три монаха), стали принимать на вакантные места послушников.

На рубеже XVIII–XIX вв. на территории Среднего Урала оставались три мужских штатных монастыря. Далматовский Успенский и Верхотурский Николаевский сохранились с прежних времен, Соликамский Истобенский Троицкий появился в декабре 1794 г., когда после переселения в Пермь оставшихся соликамских монахов на территорию закрытого Соликамского Вознесенского монастыря была переведена братия Истобенского Троицкого монастыря Вятской епархии [Словцов, с. 21–22]. Неформально существовал женский Далматовский Введенский, монахи которого состояли в штате Енисейского монастыря, хотя некоторые проживали на прежнем месте.

Численность насельников монастырей региона к середине 1790-х гг. (1794–1795 гг.) составляла восемь монахинь, 13 монахов, 24 бельца в мужских монастырях. За синодальный период численность монашества сократилась в 27 раз.

Штатной численности монашествующих Далматовский Успенский монастырь смог достичь только к 1870–1880-м гг., Верхотурский Николаевский – десятилетием позже, Соликамский Истобенский Троицкий не имел ее и в начале XX в. Хотя по общей численности насельников (монахов и послушников) штатная норма была достигнута раньше. Постепенно менялось и социальное происхождение монашествующих: до 30-х гг. XIX в. подавляющее большинство монахов было из числа вдового приходского духовенства, позже очень медленно стала возрастать доля выходцев из крестьян, отставных военных, мещан. Динамика восстановления численности мужского монашества на Среднем Урале оказалась даже ниже общероссийских показателей: согласно сведениям, собранным Синодом,

численность мужского монашества в стране достигла штатной нормы уже в 30-е гг. XIX в. (см. табл.).

Существенные изменения численности мужского монашества в штатных монастырях региона произошли после введения в них общежительных норм по указам Синода (в Верхотурском – с 1894 г., в Далматовском – с 1904 г., в Соликамском – с 1907 г.). Уже через четыре года после введения общежительности в этих монастырях численность насельников существенно увеличилась: верхотурских – с 13 до 99 чел., далматовских – с 33 до 97 чел., соликамских – с 23 до 43 чел. Столь разные темпы роста объяснялись многими факторами. Верхотурский и Далматовский монастыри входили в состав Екатеринбургской епархии, где к концу XIX в. был только один мужской общежительный монастырь (Кыртомский), но он находился в весьма отдаленном месте и отличался суровыми условиями жизни. Далматовский монастырь не имел столь же чтимой святыни, как Верхотурский (паломников к мощам Далмата Исетского приходило меньше, чем к мощам Симеона Верхотурского), а, соответственно, и монастырских доходов, поэтому численно прирастал меньше. Соликамский монастырь находился в Пермской епархии, где, кроме него, существовал Белогорский общежительный мужской монастырь, находившийся в более заселенной и экономически активной южной зоне, к тому же имевший свою традицию старчества.

Штатные монастыри оказались в роли «догоняющих» по отношению к возникшим в XIX в. заштатным обителям, строившимся на общежительных нормах. Общежительные монастыри имели более динамично развивающуюся численность монашествующих и послушников, поскольку существовали за счет труда своих насельников, а не на государственном содержании. Десятилетия истории общежительных обителей продемонстрировали и то, что строй иноческой жизни в них в большей степени отвечал духовным традициям иночества, чем в монастырях штатных, чей быт больше напоминал образ жизни приходского духовенства, служившего в церкви и получавшего содержание в зависимости от должности. Именно это наблюдение и привело церковные и светские власти к выводу о необходимости введения общежительности в штатных монастырях.

Количество новых мужских и женских общежительных монастырей, которые стали формироваться с конца XVIII в., было разным. На Среднем Урале, например, в XIX – начале XX в. было официально учреждено 24 монастыря, из них женских – 20. Мужские монастыри стали получать официальный статус только с 90-х гг. XIX в. В 1893 г. был учрежден Кыртомский Крестовоздвиженский монастырь, начало которому было положено старцем Адрианом (Медведевым), поселившимся в глухом лесу за Ирбитом. Численность насельников там всегда была невелика. В прикамской части региона в 1897 г. был учрежден с миссионерскими целями Белогорский Николаевский монастырь, который со временем создал сеть пустыней, две из них –

Фаворская Преображенская и Гороблагодатская Троицкая – получили официальный статус монастырей в 1913 и 1914 гг.⁴

Новые монастыри региона начинали свой путь с неофициально складывавшейся общины единомышленников, желающих посвятить себя монашеской жизни, чаще всего не имевших существенных материальных средств и выживавших совместным трудом. Со временем их образ жизни становился уважаем местными сообществами, появлялись благотворители, готовые поддержать насельников, и если община могла предоставить информацию, что ей выделяют земельный участок, она обладает средствами для строительства монастырской церкви, жилых и хозяйственных построек, содержания церковного причта и насельников в размере не меньшем, чем в штатных монастырях 3-го класса, она просила учредить монастырь. До 1881 г. решение об официальном учреждении каждого заштатного монастыря (и всех штатных) исходило от императоров. Только 9 мая 1881 г. высочайшим повелением Синоду было разрешено самостоятельно принимать решения об учреждении монастырей и общин без государственного содержания, но список требований не изменился [ПСЗ-3, т. 1, № 149, прил., штаты и табели, с. 31].

Анализ материалов по Среднему Уралу показывает, что после 1881 г. процесс официального признания сложившихся монашеских общностей стал значительно динамичнее, хотя, надо признать, и в предшествующее время именно Синод определял, какую из них уже можно представлять на высочайшее утверждение, а какую рано, и по обителям Среднего Урала нет сведений о том, что мнения Синода и императора расходились. До 1881 г. были официально учреждены только три монастыря в регионе, после – 21.

Стремление получить официальный статус было обусловлено прежде всего тем, что принимать постриг можно было только в монастырях. Срок от фактического начала складывания общины до официального учреждения монастыря был для большинства новых обителей очень длителен. Мужские монастыри региона прошли его в среднем за 8,5 года, женские – за 25.

Некоторое облегчение условий принятия пострига было даровано правилами, разработанными Синодом и высочайше утвержденными 29 мая 1832 г. Они устанавливали возраст пострижения для женщин не менее 40 лет, для мужчин – 30, хотя лица с богословским образованием могли быть пострижены с 25 лет, а вдовое духовенство – в любом возрасте [ПСЗ-2, т. 7, № 5399, с. 339–341]. Именным указом от 29 сентября 1865 г. епархиальным архиереям было разрешено самостоятельно разрешать пострижения [Там же, т. 40, ч. 1, № 42505, с. 989]. Именным указом от 5 октября 1906 г. представители податных сословий освобождались от предоставления увольнения от общес-

⁴ Подробнее об истории появления новых монастырей в регионе и о численности насельников см.: [Нечаева, с. 165–208].

тва, согласия Казенной палаты и разрешения губернатора при постриге [ПСЗ-3, т. 26, ч. 1, № 28392, с. 891–893].

Сказывались ли эти нормативные изменения на соотношении и численности мужского и женского монашества? Общероссийские показатели свидетельствуют, что соотношение, характерное для начала синодального периода, начало восстанавливаться к 30-м гг. XIX в. (см. табл.).

Снижение возрастной планки пострига в 1832 г. привело к кардинальному росту числа монахинь: в 1835 г. их стало на 68 % больше, чем было в 1825 г., хотя в последующие годы (до начала 70-х гг. XIX в.) прирост замедлился. Полагаем, что в первые годы постригли всех достойных послушниц, которые ранее не имели такой возможности, а в последующее время придерживались сложившейся традиции длительного искуса.

Постепенное нарастание пропорции женского монашества, как и более динамичный рост его численности, начинаются с 70-х гг. XIX в. Мужское монашество увеличилось за 1870–1891 гг. на 29 %, а женское – на 146 %. Уже в 90-е гг. численность монахинь превосходила численность монахов, что было нетипично для всего предшествующего синодального периода. Полагаем, что это наглядно демонстрирует, что утвердившаяся к 1870-м гг. практика учреждения новых монастырей и передача Синоду в 1881 г. этого права, сопровождавшаяся некоторым облегчением условий такого учреждения, и обусловили изменение соотношения мужского и женского монашества, поскольку женщины по мере учреждения монастырей получили возможность принятия пострига в них. Численность монахов нарастала более плавно, ведь оставалось большое количество штатных монастырей, необщезначительный уклад жизни в которых формировал отсутствие заинтересованности обитателей в приеме всех желающих и имеющих возможность принять постриг. Заштатные мужские монастыри учреждались с учетом имевшихся штатных и степени заполнения вакансий в них.

С 1880 по 1914 г. количество мужских монастырей (с архиерейскими домами) выросло с 441 до 550 (на 25 %), а женских – со 167 до 475 (на 184 %), причем прирост мужских монастырей был активен в 1880-е гг., а женских – с 1880-х гг. и до 1914 г.

На Среднем Урале наблюдалась картина, схожая с общероссийской. Первый женский монастырь после уничтожения их по штатной реформе был учрежден в 1809 г. (Екатеринбургский Ново-Тихвинский), в 1868 г. – еще два (Кунгурский и Верхтеченский женские), в 1882 г. – один (Пермский женский), в 90-е гг. – пять, в том числе два мужских, в 1900-е гг. – восемь женских, с 1910 по 1917 гг. – еще семь, в том числе два мужских (ил. 1, 2).

Указ 1906 г., отменявший предоставление увольнительных документов при постриге, оказал существенное, но кратковременное влияние на динамику роста российского монашества. За пять лет с 1906 по 1910 г. численность монахов увеличилась на 21 %, тогда как в предыдущие пять лет она сокращалась на 4 %. Женское монашество

1. Монахини Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря. Фотография начала XX в. [Молитву пролию ко Господу]

Nuns of the Novo-Tikhvin Convent, Yekaterinburg. Early 20th-century photograph

с 1906 по 1910 г. выросло на 19 %, сохраняя темпы прироста и за предыдущее пятилетие.

Численность мужского монашества стабильно росла и после 1910 г. Пик прироста зафиксирован с 1914 по 1917 г. – за три года на 26 %. Вероятной причиной могло служить то, что принявшие постриг не подлежали призыву в армию.

Численность монахов с 1825 до 1917 г. выросла в четыре раза, монахинь – почти в десять раз. Однако при такой динамике роста только в 1912 г. численность монашества в стране достигла уровня начала синодального периода (1724 г.) – 26 007 чел.

В монастырях Среднего Урала в 1914 г. жили 272 монаха и 515 монахинь, всего 787 иноков. Гендерное соотношение среди монашества составляло 35 % мужчин и 65 % женщин (по стране – 41 и 59 %). В 1915 г. в регионе это соотношение составляло 38 % мужчин (344 чел.) и 62 % женщин (573 чел.), меняясь в том же направлении, как и в общероссийском масштабе. Монашество региона составляло в 1914 г. 2,7 % от всего российского иночества, но перспективы роста численности у него были выше общероссийских показателей.

Крупнейшим по числу насельников в регионе был Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь (982 чел.), за ним шли Кунгурский Иоанно-Предтеченский (489), Верх-Теченский Троицкий (418). Все они были женскими. Из мужских самым многобратственным был Белогор-

ский Николаевский (375 чел.). На эти четыре монастыря приходились 41 % всех насельников монастырей региона и 44 % монашествующих.

Из 266 принявших в 1904–1910 гг. постриг на Среднем Урале было 209 крестьян (79 %), 40 представителей купечества и других категорий городских жителей (15 %), остальные группы населения были представлены в количестве от 1 до 6 чел. Среди монахинь было 82 % крестьянок и 13 % горожанок, среди монахов – 74 % крестьян и 18 % горожан [РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 977, 999]. Характерно, что из семей духовного сословия за семь лет приняли постриг лишь 2 чел. В целом это говорит о доступности монашеского выбора для всех категорий населения.

Подводя итоги, следует отметить, что анализ соотношения численности мужского и женского монашества на протяжении всего синодального периода позволяет глубже понять причины и динамику его изменения.

На численность монашества влияли государственная регуляция количества монастырей и монашества, условий монашеского пострига, предписания о введении общежительности, условия военного времени и идейные брожения начала XX в. Сила влияния могла варьироваться.

На динамику мужского монашества влияли прежде всего социальные ограничения на постриг, продиктованные стремлением государственной власти сохранить податную базу в стране. Эти ограничения действовали с 1722 по 1906 г. Их отмена в 1906 г. вызвала активный, но кратковременный рост численности мужского монашества, полностью компенсировавший наметившуюся на рубеже веков тенденцию к его снижению, связанную, вероятно, с распространением в различных слоях населения общественного недовольства. С началом Первой мировой войны мужские монастыри испытали значительный приток послушников, возросло и количество монашеских постригов, которые освобождали от призыва в армию.

Штатная реформа 1764 г. отрицательно сказывалась на динамике мужского монашества вплоть до конца XIX – начала XX в., консервируя штатную численность иночества и ограничивая возможности учреждения новых мужских общежительных монастырей. Численность мужского монашества в 1917 г. составляла 14 925 чел., что было лишь на 391 чел. больше, чем в 1724 г.

Количество насельниц в женских монастырях в синодальный период в меньшей степени зависело от социальных ограничений на постриг, поскольку женщины не были податным населением. Однако штатная реформа 1764 г., сокращавшая численность женских монастырей значительно сильнее, чем мужских, на десятилетия лишила желающих возможности принятия пострига. Основной формой существования женского монашества в XIX – начале XX в. стали заштатные монастыри на своем содержании, строившиеся на общежительных нормах, численность монашества и послушниц в которых определялись внутренними потребностями и возможностями обителей. Однако сложившийся порядок официального учреждения заштатных монастырей требовал

2. Братия Верхотурского Николаевского мужского монастыря.

Фотография начала XX в. Частный архив

Monks of St Nicholas Monastery, Verkhoturysk. Early 20th-century photograph.
Private archive

многолетних усилий насельников для изыскания всех необходимых условий учреждения, без чего невозможен был и постриг. Снижение возрастного барьера для принятия пострига в 1832 г., стандартизация официального учреждения монастырей в 70-е гг. XIX в., разрешение Синоду самостоятельно учреждать монастыри на своем содержании с 1881 г. привели к более динамичному росту женского иночества, чем мужского. Однако и численность женского монашества достигла уровня 1724 г. только в 1902 г. (10 963 монахини в 1902 г., 10 673 монахини в 1724 г.).

В целом численность православного монашества в России достигла уровня 1724 г. только в 1912 г. (26 007 монахов и монахинь). К 1917 г. численность монашества в стране превышала численность 1724 г. на 33 %. С учетом значительного увеличения территории и численности населения следует признать, что этот рост был весьма относительным⁵.

Однако если вспомнить, к сколь глубокому падению численности монашества в конце XVIII в. привела реализация социальных ограничений и штатной реформы 1764 г., ее рост в XIX – начале XX в. выглядит весьма впечатляющим: с 1825 г. по 1917 г. она в целом выросла на 598 %, причем мужское – на 400 %, а женское – на 988 %. Более значительные темпы увеличения численности женского монашества

⁵ Согласно расчетам Б. Н. Миронова, население Российской империи с 1719 по 1914 г. увеличилось в 10,4 раза [Миронов, с. 20].

в XIX – начале XX в. были обусловлены тем, что к концу XVIII в. она сократилась намного больше, чем численность мужского.

Естественным образом сложившееся к началу синодального периода соотношение мужского и женского монашества в стране (58 % монахов, 42 % монахинь) было обусловлено формами материального обеспечения обителей: мужские монастыри чаще имели вотчины, для управления которыми требовалась определенная численность монашествующих, женские же обычно были безвотчинными и либо содержались за счет пожертвований, либо были приписными к мужским и довольствовались частью их доходов. Эта пропорция была существенно нарушена штатной реформой 1764–1788 гг., оставившей монахиням лишь 27 % мест в штатных и заштатных монастырях. Пропорция начала синодального периода восстановилась только к 1880-м гг., но после этого благодаря появлению значительного количества женских монастырей стала изменяться в пользу женского иночества, составив к 1917 г. 45 % монахов и 55 % монахинь. В целом это почти равное соотношение, а некоторое преобладание численности женского монашества объясняется тем, что женские обители имели, в отличие от начала синодального периода, самостоятельные источники доходов и более длительные традиции общежительной жизни. Монастыри и общины XIX – начала XX в., имевшие многопрофильные хозяйства и рукоделия, предоставляли женщинам те возможности самореализации, какие они не всегда могли найти в мирской жизни. Конечно, следует учитывать и то обстоятельство, что женщины в российском обществе и к концу имперского периода имели меньше возможностей для своего жизнеобеспечения, чем мужчины, и уход в монастырь оставался для наиболее религиозных из них логичным выбором в сложных жизненных ситуациях.

Монашество Среднего Урала прошло тот же путь, что и общероссийское. Однако на Среднем Урале численность монашества изменилась сильнее, чем в стране в целом. К 1915 г. монашествующих стало на 64 % больше, чем было в 1722–1724 гг. (917 чел. против 558–563). Более высокая динамика прироста объясняется, на наш взгляд, особенностями региона: с XVIII в. на Среднем Урале активно развивалась промышленность и росла численность населения.

Более выражено, чем в стране в целом, изменилось и соотношение мужского и женского монашества: если в начале синодального периода в регионе 58 % составляли монахи, а 42 % – монахини, то к 1915 г. – 38 % монахи, а 62 % – монахини. Однако эта пропорция в Пермской и Екатеринбургской епархиях существенно различалась: в Пермской епархии было 42 % монахов и 58 % монахинь, что почти совпадает с общероссийскими показателями, а в Екатеринбургской соотношение составляло 29 % монахов и 71 % монахинь. Если проанализировать соотношение по всем церковно-административным округам страны, то оказывается, что близкая к общероссийской статистика (от 36 до 46 % монахов) была только в девяти округах (18 %),

в остальных же разброс показателей был весьма велик [Всеподданнейший отчет за 1914 год, прил., с. 4–5]. Региональное сравнение гендерного соотношения в монашестве – отдельный весьма интересный вопрос, здесь же отметим, что при небольшой численности монашества в целом значительное влияние на количественные показатели имело наличие в том или другом регионе особо известных обителей. В Екатеринбургской епархии, например, таким был Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь, в котором в 1915 г. проживало 136 монахинь и 846 послушниц [РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 977. Л. 203 об. –204].

Архивы / Archives

РГИА – Российский государственный исторический архив [Russian State Historical Archive]. Ф. 796. Оп. 440. Д. 977, 999.

Библиографические ссылки / References

Водарский Я. Е. Истомина Э. Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI – начало XX в.). М. : Ин-т рос. ист. РАН, 2009. 546 с.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1900 год. СПб. : Синод. тип., 1903. 242 с.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1910 год. СПб. : Синод. тип., 1913. 244 с.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 годы. СПб. : Синод. тип., 1913. 298 с.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг. : Синод. тип., 1916. 243 с.

Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921 гг.) М. : Наука, 1975. 205 с.

Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М. : Рус. слово, 1999. 309 с.

Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1836 год. СПб. : Синод. тип., 1837. 176 с.

Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1861 год. СПб. : Синод. тип., 1864. 236 с.

Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1871 год. СПб. : Синод. тип., 1872. 332 с.

Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1881 год. СПб. : Синод. тип., 1883. 310 с.

Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1892 и 1893 годы. СПб. : Синод. тип., 1895. 388 с.

Комиссаренко А. И. Вотчинное хозяйство духовенства и секуляризационная реформа в России (20–60 гг. XVIII в.) : дис. ... д-ра ист. наук. М. : [Б. и.], 1984. 513 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.

Молитву пролию ко Господу: Екатеринбургская старица схиигумения Магдалина. М. : Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2022. 138 с.

Монашество // Православная энциклопедия. М. : Правосл. энцикл., 2017. Т. 46. С. 567–651.

Нечаева М. Ю. Монашество Среднего Урала синодального периода: принципы формирования и социальный состав. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2019. 232 с.

Плотников Г. С. Описание мужского Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург : Тип. М. И. Филипповой, 1906. 97 с.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи : в 10 т. СПб. : Синод. тип., 1869–1911. Т. 8. 1733–1734 гг. 367 с. Т. 10. 1738–24 ноября 1741 г. 646 с.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй : в 4 т. СПб. : Синод. тип., 1910–1915. Т. 1. 1762–1772 гг. 831 с.

Православные монастыри Российской империи / сост. Л. И. Денисов. М. : Изд. А. Д. Ступина, 1908. 984 с.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. 6, 7, 11, 13, 15, 16, 22, 44; Собр. второе. Т. 7, 40; Собр. третье. Т. 1, 26.

Словцов И. Соликамско-Истобенский, Свято-Троицкий третьеклассный мужской монастырь // Пермские епархиальные ведомости. 1870. Отд. неофиц. № 3. С. 21–33.

Смолич И. К. Русское монашество. Возникновение. Развитие. Сущность. (1988–1917). М. : Правосл. энцикл., 1997. 606 с.

Соколов А. В. Государство и православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2014. 810 с.

Титлинов Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам Православной Церкви. Вильна : Тип. «Рус. почин», 1905. 466 с.

Чудецкий П. И. Опыт исторического исследования о числе монастырей русских, закрытых в XVIII и XIX в. Киев : Тип. В. Давиденко, 1877. 67 с.

Chudetskii, P. I. (1877). *Opyt istoricheskogo issledovaniya o chisle monastyrei russkikh, zakrytykh v XVIII i XIX v.* [An Attempt at Historical Research on the Number of Russian Monasteries Closed in the 18th and 19th Centuries]. Kyiv, Tipografiya V. Davidenko. 67 p. (In Rus.)

Denisov, L. I. (Ed.). (1908). *Pravoslavnye monastyri Rossiiskoi imperii* [Orthodox Monasteries of the Russian Empire]. Moscow, Izdatel'stvo A. D. Stupina. 984 p. (In Rus.)

Izvlechenie iz otcheta po vedomstvu dukhovnykh del pravoslavnogo ispovedaniya za 1836 god [Extract from the Report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Denomination for the Year 1836]. (1837). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 176 p. (In Rus.)

Izvlechenie iz otcheta po vedomstvu dukhovnykh del pravoslavnogo ispovedaniya za 1861 god [Extract from the Report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Denomination for the Year 1861]. (1864). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 236 p. (In Rus.)

Izvlechenie iz otcheta po vedomstvu dukhovnykh del pravoslavnogo ispovedaniya za 1871 god [Extract from the Report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Denomination for the Year 1871]. (1872). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 332 p. (In Rus.)

Izvlechenie iz otcheta po vedomstvu dukhovnykh del pravoslavnogo ispovedaniya za 1881 god [Extract from the Report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Denomination for the Year 1881]. (1883). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 310 p. (In Rus.)

Izvlechenie iz otcheta po vedomstvu dukhovnykh del pravoslavnogo ispovedaniya za 1892 i 1893 gody [Extract from the Report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Denomination for the Years 1892 and 1893]. (1895). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 388 p. (In Rus.)

Komissarenko, A. I. (1984). *Votchinnoe khozyaistvo dukhovenstva i sekulyarizatsionnaya reforma v Rossii (20–60 gg. XVIII v.)* [The Patrimonial Economy of the Clergy and Secularization Reform in Russia (1720–1760)]. Dis. ... doktora istoricheskikh nauk. Moscow, S. n. 513 p. (In Rus.)

Mironov, B. N. (2000). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) v 2 t.* [The Social History of Russia during the Empire Period (18th – Early 20th Centuries). 2 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1. 548 p. (In Rus.)

Molitvu proliyu ko Gospodu: Ekaterinburgskaya staritsa skhiigumeniya Magdalina [I Will Pour out a Prayer to the Lord: Yekaterinburg Schema-abbess Magdalena]. (2022). Moscow, Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet. 138 p. (In Rus.)

Monashestvo [Monasticism]. (2017). In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 46, pp. 567–651. (In Rus.)

Nechaeva, M. Yu. (2019). *Monashestvo Srednego Urala sinodal'nogo perioda: printsipy formirovaniya i sotsial'nyi sostav* [Monasticism of the Middle Urals of the Synodal Period: Principles of Formation and Social Composition]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 232 p. (In Rus.)

Plotnikov, G. S. (1906). *Opisanie muzhskogo Dalmatovskogo Uspenskogo obshchezhitel'nogo tret'eklassnogo monastyrya i byvshego pripisnym k nemu zhenskogo Vvedenskogo monastyrya* [Description of the Male Dalmatian Dormition Cenobitic Third-Grade Monastery and the Former Female Vvedensky Monastery Attached to It]. Yekaterinburg, Tipografiya M. I. Filippovoi. 97 p. (In Rus.)

Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiiskoi imperii v 10 t. [The Complete Collection of Resolutions and Orders on the Department of the Orthodox Denomination of the Russian Empire. 10 Vols.]. (1869–1911). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. Vol. 8. 1733–1734. 367 p. Vol. 10. 1738–24 noyabrya 1741. 646 p. (In Rus.)

Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiiskoi imperii. Tsarstvovanie gosudaryni imperatritsy Ekateriny Vtoroi v 4 t. [The Complete Collection of Resolutions and Orders on the Department of the Orthodox Denomination of the Russian Empire. The Reign of Catherine the Second. 4 Vols.]. (1910–1915). Vol. 1. 1762–1772. 831 p. (In Rus.)

PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 6, 7, 11, 13, 15, 16, 22, 44; Coll. 2. Vol. 7, 40; Coll. 3. Vol. 1, 26. (In Rus.)

Slovtsov, I. (1870). Solikamsko-Istobenskii, Svyato-Troitskii, tret'eklassnyi muzheskii monastyr' [Solikamsk-Istobensky, Holy Trinity, Third-Class Monastery]. In *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 3, pp. 21–33. (In Rus.)

Smolich, I. K. (1997). *Russkoe monashestvo. Vozniknovenie. Razvitie. Sushchnost'. (988–1917)*. [Russian Monasticism. Occurrence. Development. Essence. (988–1917)]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. 606 p. (In Rus.)

Sokolov, A. V. (2014). *Gosudarstvo i pravoslavnaya tserkov' v Rossii, fevral' 1917 – yanvar' 1918gg.* [The State and the Orthodox Church in Russia, February 1917 – January 1918]. Dis. ... doktora istoricheskikh nauk. St Petersburg, S. n. 810 p. (In Rus.)

Titlinov, B. V. (1905). *Pravitel'stvo imperatritsy Anny Ioannovny v ego otnosheniyakh k delam Pravoslavnoi Tserkvi* [The Government of Empress Anna Ioannovna and Its Relations with the Affairs of the Orthodox Church]. Vil'na, Russkii pochin. 466 p. (In Rus.)

Vodarskii, Ya. E., Istomina E. G. (2009). *Pravoslavnye monastyri Rossii i ikh rol' v razvitiit kul'tury (XI – nachalo XX v.)*. [Orthodox Monasteries of Russia and Their Role in the Development of Culture (11th – Early 20th Centuries)]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 546 p. (In Rus.)

Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Svyateishego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1900 god [The Most Comprehensive Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Denomination for the Year 1900]. (1903). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 242 p. (In Rus.)

Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Svyateishego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1910 god [The Most Comprehensive Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Denomination for the Year 1910]. (1913). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 244 p. (In Rus.)

Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Svyateishego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1911–1912 gody [The Most Comprehensive Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Denomination for the Year 1911–1912]. (1913). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 298 p. (*In Rus.*)

Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Svyateishego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 god [The Most Comprehensive Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Denomination for the Year 1914]. (1916). Petrograd, Sinodal'naya tipografiya. 243 p. (*In Rus.*)

Zybkovets, V. F. (1975). *Natsionalizatsiya monastyrskikh imushchestv v sovetskoi Rossii (1917–1921 gg.)* [Nationalisation of Monastic Property in Soviet Russia (1917–1921)]. Moscow, Nauka. 205 p. (*In Rus.*)

Zyryanov, P. N. (1999). *Russkie monastiri i monashestvo v XIX i nachale XX veka* [Russian Monasteries and Monasticism in the 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, Russkoe slovo. 309 p. (*In Rus.*)

The article was submitted on 11.09.2024